

УДК 81'373.21(470.53) +
+ 378.057.175 : 81'373.21(470.53)

Е. Л. Березович

**«ПЕРЕД НАМИ — ДОРОГИ НОВЫЕ...»:
РАЗМЫШЛЕНИЯ О РАБОТЕ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ УРАЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ XXI В.***

Ключевые слова: русский язык, топонимия, диалектология, полевые исследования, методика полевого сбора топонимии, Русский Север, Поветлужье.

В статье анализируется полевая работа Топонимической экспедиции Уральского университета в первое десятилетие XXI в., а также современное состояние традиционной русской топонимии. Автор отмечает, что в связи с разрушением системы хозяйствования скорость исчезновения географических названий в последние 10–15 лет резко возросла (по сравнению с аналогичными по длительности промежутками в XX в.). Выявляются изменения в составе фиксируемых экспедицией географических разрядов (отмечается количественный рост собираемой ойконимии при снижении количества записей гидронимии и микропонимии). Рассматривая вопрос о соотношении старого и нового в топонимических системах Русского Севера и Поветлужья, автор заключает, что системы сохраняют высокую степень консерватизма, рост новообразований в них заметно снизился. Анализируются и новации в методике полевой работы экспедиции.

* Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

© Березович Е. Л., 2011

В одной из наших экспедиционных песен, написанной почти 30 лет назад, есть такие слова:

Когда последний дубль поставят в картотеку,
Фамилию мою лишь в карточке найдут.
Но твердо верю я: и в двадцать первом веке
Чего-нибудь искать филологи пойдут!

Поем мы ее сейчас, когда будущее время песни стало настоящим, — и, доходя до этих слов, невольно переглядываемся. В самом деле, каждый раз, когда мы, отмечая ликвидированные деревни в очередном сельсовете, перечеркиваем на две трети или три четверти список, извлеченный из справочника административно-территориального деления двадцатилетней давности, когда на пути в новый район видим шеренги мертвых домов с черными бойницами окон вдоль дорог, по которым предстоит пройти, нам кажется, что здесь уже нечего делать. Но в конце экспедиции с трудом отрываемся от слов и людей — и уезжаем с полными блокнотами, картотеками, головой и сердцем, зная: надо ехать и на следующий год, и через два года, и через пять...

Как прожила Топонимическая экспедиция Уральского университета пятый десяток лет своей истории, совпавший с первым десятилетием XXI в.? Как видится изнутри полевой сбор топонимии в современных условиях?

Сначала — «привязка» наших полевых выездов в эти годы. Работа шла по двум основным направлениям: 1) первичный сбор материала в Костромской обл. (Кадынский, Октябрьский, Павинский, Парфеньевский, Солигаличский р-ны — фронтально, Буйский, Вохомский, Костромской, Макарьевский — частично); 2) вторичный сбор в Архангельской обл. (Верхнетоемский, Виноградовский, Онежский, Ленский р-ны), а также в Вологодской (Бабаевский, Кадуцкий р-ны).

Сейчас экспедиция записывает едва ли не все, что относится к номинативной системе диалекта (несколько разрядов ономастики, нарицательную диалектную лексику — см. статью М. Э. Рут в наст. изд.), но по традиции называется Топонимической — и оправдывает свое название, уделяя топонимической работе большое и особое внимание.

В то же время надо отметить, что мы стали в целом меньше записывать топонимии. Особенно наглядно это проявляется при сравнении количества фиксаций топонимов¹ в одних и тех же районах, где экспедиция работала в разные

¹ Здесь и далее ведутся подсчеты именно полевых карточек, а не собственно топонимов: один топоним может быть зафиксирован на нескольких карточках, каждая из которых отражает употребление его в речи определенного информанта. Подсчет собственно топонимов дал бы более показательные результаты, но потребовал бы огромной предварительной работы по идентификации географических объектов.

годы, с интервалом в два десятилетия и более. К примеру, в Ленский район Архангельской обл. мы ездили в 1986 и в 2008 г., при этом во время более позднего выезда сделали 54 % количества ранних фиксаций. Аналогичное соотношение наблюдалось в ходе работы в Бабаевском районе Вологодской обл.: топонимические фиксации 2007 г. составляют 60 % записей 1980 г. При оценке этих данных надо учесть следующее немаловажное обстоятельство: повторные экспедиции имели на руках результаты первичного сбора, подвергали проверке «темные» факты и, конечно, в ряде случаев не множили количество устойчиво фиксируемых топонимов. Более того, многие названия поздние экспедиции отметили впервые. Но даже с учетом этих поправок следует принять, что экспедиции стали делать на одну четверть или на одну треть меньше топонимических записей, чем два десятилетия назад.

Топонимы, разумеется, исчезали и раньше. Изменилась ли скорость исчезновения географических названий в последние годы? Наша пятидесятилетняя история дает возможность вести наблюдения за этими процессами. Так вот: если сравнить массивы данных, записанных с разницей в 28 лет в Лешуконском районе Архангельской обл. (1962 и 1990 гг.), а также с интервалом в 20 лет в Белозерском районе Вологодской обл. (1967 и 1987 гг.), то существенного различия в количестве фиксаций не обнаружится — более того, экспедиции 1980-х собирали в целом больше экспедиций 1960-х (говорю об этом, проделав примерный пересчет на одного сборщика, поскольку экспедиции очень различались по количеству участников и длительности работы). Очевидно, сказывалось накопление собирателями методического опыта.

Но наиболее показательны различия не в общем количестве фиксаций, а в составе записываемых данных. Чтобы не нагромождать много цифр, проведу подсчеты лишь по самым популярным разрядам топонимов, среди которых: а) названия населенных пунктов (деревень, сел, поселков, хуторов и проч.); б) названия полей и покосов; в) названия озер, рек и ручьев.

Вот как выглядят количественные показатели для последних экспедиций, работавших на территории Костромской обл.:

Административный район	Кол-во фиксаций названий населенных пунктов, %	Кол-во фиксаций названий полей и покосов, %	Кол-во фиксаций названий озер, рек и ручьев, %
Парфеньевский (2006)	42	11	15
Павинский (2009)	55	13	14
Вохомский (2011)	53	13	16
Октябрьский (2011)	55	19	9

Как видим, больше всего в XXI в. экспедиция записывает ойконимии (около половины всего состава топонимов или больше). На долю обозначений полей и покосов приходится от 11 до 19 % (в среднем 14 %), доля гидронимов примерно такая же (от 9 % до 16 % — в среднем около 14%).

Как это соотносится с более ранними показателями?

Так сложилась полевая и научная судьба экспедиции, что в Костромской обл. работы велись с перерывом практически в 30 лет. Первые поездки состоялись в середине 1970-х. Вот данные по этим выездам:

Административный район	Кол-во фиксаций названий населенных пунктов, %	Кол-во фиксаций названий полей и покосов, %	Кол-во фиксаций названий озер, рек и ручьев, %
Галичский (1975, 1978)	16	26	13
Кологривский (1975, 1976, 1978)	14	35	36
Мантуровский (1977, 1978)	5	35	39
Межевской (1976, 1977)	24	38	19
Нейский (1977)	10	40	29

Показатели 1970-х гг. весьма отличаются от нынешних. Несмотря на отдельные различия между районами (которые вызваны физико-географическими и социально-экономическими факторами), эти показатели обнаруживают несколько иные тенденции сбора географических названий, а также иные закономерности организации топонимических систем. Вот данные в среднем по Костромской обл. (1970-е гг.): на долю названий населенных пунктов приходится всего 1/7 общего числа записей (14 %), полей и покосов — 1/3 (35 %), озер, рек и ручьев — 1/4 (27 %). Значит, в последние годы в Костромской обл. экспедиция пишет почти втрое больше названий населенных пунктов, чем раньше, но вдвое меньше названий покосов и полей, а также рек и ручьев.

Характерны ли такого рода изменения только для полевой работы в Костромской обл.?

Для сравнения представим данные, отражающие динамику полевых записей в Архангельской и Вологодской обл. Вот цифры по взятым вразброс районам, куда экспедиция ездила первые тридцать лет своей истории (либо однократно, либо дважды или многократно):

Административный район	Кол-во фиксаций названий населенных пунктов, %	Кол-во фиксаций названий полей и покосов, %	Кол-во фиксаций названий озер, рек и ручьев, %
Красноборский р-н Архангельской обл. (1973)	26	35	23
Лешуконский р-н Архангельской обл. (1962, 1990 и др.)	6 ² 8 (1962) 4 (1990)	31 23 (1962) 32 (1990)	44 43 (1962) 46 (1990)
Белозерский р-н Вологодской обл. (1967, 1987 и др.)	18 18 (1967) 15 (1987)	23 20 (1967) 25 (1987)	23 18 (1967) 26 (1987)
Вашкинский р-н Вологодской обл. (1973, 1994 и др.)	12	32	22
Тарногский р-н Вологодской обл. (1985)	8	46	32

Для полноты картины приведем данные по тем районам Архангельской и Вологодской области, куда экспедиция ездила и в первые 25 лет своей работы, и в последние годы (значит, интервал более чем в два десятилетия пришелся именно на постсоветское время).

Административный район	Кол-во фиксаций названий населенных пунктов, %	Кол-во фиксаций названий полей и покосов, %	Кол-во фиксаций названий озер, рек и ручьев, %
Бабаевский р-н Вологодской обл. (1980, 2007 и др.)	13 (1980) 35 (2007)	28 (1980) 16 (2007)	26 (1980) 17 (2007)
Ленский р-н Архангельской обл. (1986, 2008)	16 (1986) 34 (2008)	30 (1986) 23 (2008)	40 (1986) 21 (2008)
Кадуйский р-н Вологодской обл. (1981, 2005 и др.)	18 (1981) 30 (2005)	36 (1981) 27 (2005)	20 (1981) 13 (2005)

² Здесь и далее указана цифра в среднем по району (с учетом материалов всех экспедиций, работавших в районе), которая в то же время может не выводиться из среднего арифметического приводимых ниже данных за отдельные годы, поскольку в выборке по годам представлены материалы лишь двух полевых выездов в район, наиболее «разведенных» по времени.

В среднем экспедиции в Архангельскую и Вологодскую обл. 1960-х — начала 1990-х фиксировали около 15 % названий населенных пунктов, 33 % названий полей и покосов, около 29 % названий озер, рек и ручьев. В первое десятилетие XXI в. цифры иные: 33 % названий населенных пунктов, 22 % — полей и покосов, 17 % — рек, ручьев и озер. Если сравнить старые и новые записи на одних и тех же территориях (Бабаевский, Ленский, Кадуйский р-ны), то можно увидеть, что мы стали записывать вдвое больше ойконимов, зато на 10 % сократилось количество фиксации названий полей и покосов, на 12 % — гидронимов. Впечатляют данные по полевым сборам в Ленском районе: через 22 года, отделяющих поездку 2008 г. от 1986 г., здесь удалось сделать вдвое меньше записей гидронимии! Значит, динамика полевой топонимической работы в Костромской обл. в целом такая же, как и в Архангельской и Вологодской обл., — с той лишь разницей, что в Костроме изменения более стремительны (кстати, и хозяйственное запустение в Костромской обл. проявляется сильнее, чем в Архангельской и Вологодской).

Следует вновь оговориться, что приводимые цифры ни в коем случае нельзя трактовать прямолинейно. Уменьшение количества собираемого материала и изменения в его составе объясняются разными причинами, как объективными, так и субъективными.

Объективные причины. Во-первых, на северо-востоке Костромской обл., где мы преимущественно сейчас работаем, действительно больше населенных пунктов, чем в среднем по Русскому Северу. На этой территории самое широкое распространение имели мелкие хутора, починки (их можно было основывать в довольно сухих лесах), а большие села были редкостью (диаметрально противоположная ситуация, к примеру, в бассейне Мезени и Пинеги, где население преимущественно концентрировалось в крупных немногочисленных селах, с трудом отвоєванных у болот и лесов). Во-вторых, здесь в целом более ровный рельеф и однородный ландшафт, нет такого мозаичного чередования воды и суши (в первую очередь, болот и лесов), как в самых «топонимичных» районах Русского Севера. Отсюда меньшее количество объектов «ландшафтной» топонимии. В-третьих, населенные пункты на северо-востоке Костромской обл. (на ее границе с Вологодской и Кировской обл.) захватили особо интенсивные волны переименований, обусловленных разными факторами, среди которых не последнюю роль играют частые изменения административной принадлежности (районы то укрупняли, то, наоборот, «мельчили»; одни деревни передавали из Вологодской обл. в Костромскую, другие — из Кировской в Костромскую и обратно). Один и тот же населенный пункт может иметь от двух до пяти обозначений, что способствует, разумеется, резкому увеличению общего количества ойконимических записей.

Субъективные причины. Во-первых, современные экспедиции лучше, чем самые ранние, оснащены справочниками административно-территориального

деления, позволяющими видеть основной корпус официальной ойконимии, который более системно подвергается проверке. Во-вторых, ойконимы, которые называют социальные объекты, наиболее сохранны в топонимической системе и в памяти информантов, они в наибольшей степени «общественны» и коммуникативно значимы, поскольку известны практически всем носителям системы, без различий по роду занятий, полу и пр. Они медленнее других разрядов географических названий переходят в пассивный языковой запас. Поэтому ойконимы легче собирать. Если собиратель диалектной лексики, уговаривая информанта вступить в беседу и убеждая его в том, что его знаний для этой беседы вполне достаточно, нередко апеллирует, скажем, к названиям грибов, то при сборе топонимии такими «грибами» являются деревни. В осложнившихся условиях топонимисты, особенно новички, начинают опросы с «беспроегрышной» ойконимии. Ее и удастся собрать объемнее и тщательнее всего. В-третьих, как говорилось выше, в ходе повторных поездок на обследованные ранее территории участники экспедиции не имеют установки многократно задублировать то, что уже собрано их предшественниками, особо «налегавшими» на гидронимию и микропонимию.

При всей значимости указанного комплекса причин, способствующих уменьшению количества материала и его качественному перераспределению, они остаются второстепенными. Главная причина — стирание обширных пластов традиционной топонимии из народной памяти, что связано с социальными, экономическими и политическими процессами в стране, которые произошли на рубеже столетий. Более подробно мы рассмотрим последствия этих процессов для традиционной топонимии далее.

На этом фоне естественно возникает вопрос: оправданы ли повторные поездки на одни и те же территории? Ясно, что оправдать их может главным образом новизна собранного материала (конечно, в известной мере интересны и результаты замеров состояния топонимической системы, а также выявление особенностей ее динамики. Но можем ли мы позволить себе поездки только ради таких замеров — чтобы констатировать, что топонимия сейчас исчезает во столько-то раз быстрее, чем раньше?). Удастся ли при повторных выездах записать что-то новое (если иметь в виду именно новые названия — а не варианты старых, не уточнения привязок, не мотивировки и пр., которые, конечно, записываются в обилии)?

К счастью, удается. Так, работая в Ленском районе в 2008 г., мы записали, по очень приблизительным оценкам, 15 % названий, не «выловленных» в 1986 г. (при этом, как говорилось выше, солидный процент топонимии 1986 г. пропал). Вот примеры русских по функционированию названий (в основном микропонимов), которые предположительно восходят к данным живых (коми) или вымерших финно-угорских языков: *Басвич, Вегово, Вызвич, Вылецк, Высьямчик, Вяшикота, Гибаты, Гогросвич, Домес, Зиб, Зынтый, Ибдор, Иргавич, Кантрикажи, Кивер, Кошер, Кузлада, Лопель, Лужаег, Марготлуг, Мектый, Мувтый, Мырьсь,*

Огаса, Омлат, Очернёз, Парма, Пемка, Пеньелка, Пенюг, Пожамылька, Понма, Поросятый, Портый, Рас, Сёрт, Сярьево, Тимоткорл, Тупан, Тютьверь, Хуйла, Шинарвич, Ясничер и др.

Причины и обстоятельства появления нового материала таковы. Во-первых, во время вторичных выездов нам нередко удается посетить те населенные пункты, которые не обследовались при первичном сборе. В прежние годы экспедиция не работала, как правило, в райцентрах, в относительно новых поселках, образованных при лесопунктах, и пр. (считалось, что в таких местах плохо сохранилась крестьянская топонимия). Сейчас мы ездим и в подобные точки: все же материал, хоть и менее обильный, чем в «обычных» деревнях, там есть, а главное, именно туда съезжаются переселенцы из ликвидированных близлежащих деревень. С этим связано и следующее обстоятельство. В настоящее время приходится обращать специальное и особое внимание на переселенцев, среди которых есть и уроженцы деревень, закончивших свое существование раньше первичных сборов экспедиции в определенном районе. Прежде экспедиция не так часто работала с переселенцами: разыскивая информантов, мы ориентировались в первую очередь на старожилов той деревни, в которую пришли. Кроме того, брали во внимание то обстоятельство, что переселенческую топонимию трудно «привязывать» (информанту непросто ориентироваться на местности, если он находится вне своего дома — привычного для него центра освоения пространства, без видимого глазу объектного ряда, а собиратель имеет меньше возможностей верифицировать полученные данные). Это так, но в нынешних условиях переселенцы составляют подчас более половины нашего «корпуса» информантов — и иногда заполняют те лакуны, которые существовали при первичном сборе. Наконец, новые факты удается записать благодаря новациям в методике полевой работы, речь о которых ниже.

Как живут нынче географические названия в традиционном языковом сознании? Как уже говорилось, скорость разрушения топонимических систем в начале XXI в. выше, чем во второй половине XX в. Дело не только в стремительном исчезновении деревень: исчезали они и раньше (особенно во время хрущевского «укрупнения»). Главное сейчас — тотальное уничтожение хозяйствующих организаций (колхозов, совхозов, рыболовецких артелей, лесопунктов, лесничеств, пароходств и пр.), что ведет к принципиальному изменению связей между человеком и землей, на которой он живет. Окружающий географический мир перестает восприниматься как объект хозяйствования, что на топонимическом уровне проявляется в первую очередь в вымывании из системы названий полей, покосов, пастбищ, лесных участков и пр. Зброшенные поля становятся лесами, реки — оврагами, озера — болотами — и вся эта новая «одичавшая» действительность уже с трудом соотносится со старой системой географических названий, которая была вплетена

в освоенный, «очеловеченный» ландшафт. Прекрасная и очень думающая информантка, А. Н. Скрыбина из деревни Малая Стрелка Октябрьского района Костромской обл., сказала так:

Ох, куды ж вспомнить-то точно, как было... Если б уезжала куда, не жила здесь, наверно, легко б помнила. А я всю жисть жила. Вижу, как всё переменялось. Полей-то и не узнать, где были. Леса там, не пройдешь. И хочу вспомнить старое, да новое мешает (2011).

Эти слова — об известном в психологии эффекте «перекрытия» старой информации новой, к тому же эмоционально (негативно) маркированной. Конечно, законсервированная система легче врезается в память, чем система, где кардинально перекроены и перестроены взаимоотношения имени и обозначаемого им объекта. В такой системе страдают инструментальные свойства имени, поскольку нередко лишаются реального содержания два важных пласта топонимической семантики: частная категориальная семантика топонима (указание на вид географического объекта) и его мотивационное значение. Таким образом, традиционная топонимия получила в последние годы резкое ускорение разрушения в первую очередь за счет утраты питавшей ее системы хозяйствования.

Существенно сужается, ограничивается «круг земель» в сознании информантов, их топографический горизонт. Конечно, мы и двадцать пять лет назад сталкивались с тем, что информанты (особенно женщины) не могли «привязать» реки (т. е. определить местоположение их устья). Но сейчас это явление обрело массовый характер. Наши собеседники зачастую либо затрудняются назвать реку, в которую впадает данная, либо «выпрямляют» реальную картину, т. е. пропускают при привязке промежуточное звено (вторую реку, на которой находится непосредственное устье первой), называя сразу третью, самую крупную реку округа; либо смешивают (не разделяют) участок реки и реку целиком (к примеру, участок *Ветлуги* в ее верхнем течении, до впадения Вохмы, называется *Ветлужкой*. Некоторые «бабушки» считают *Ветлужку* самостоятельной рекой, а *Ветлуга* для них «где-то там текот...»). Что ж говорить о таких «мелочах», как определение берега (правого или левого) более крупной реки, где находится устье реки-донора! Нам все чаще приходится восстанавливать привязки по карте (там, где это возможно), а в «невосполненном» виде многие привязки выглядят так: «протекает у деревни такой-то, берется с неизвестного болота, уходит куда-то в волок».

Ситуация меняется, пожалуй, тогда, когда мы работаем в деревнях по берегам крупных рек (например, Ветлуги): в этих случаях информанты называют притоки достаточно четко и последовательно. Очевидно, дело в том, что последовательность рек закреплена на карте сознания в сценарии определенной деятельности — в первую очередь лесосплава, в котором участвовало старшее поколение наших информантов-колхозников, как мужчин, так и женщин (преимущественно из женщин состояли бригады, которые шли многие километры по берегам и расчищали

затары, образующиеся в излучинах, заливах рек при молевом сплаве). Когда уйдет поколение сплавщиков, практически не останется людей, умеющих маршрутно видеть реку на большой протяженности ее течения. Если память о таких «хозяйственных маршрутах» в какой-то мере спасает топонимию больших рек, то топонимикон малых рек подобной поддержки не имеет. Малая река перестает служить организатором пространственных связей (не может конкурировать с дорогами, которые прокладываются от рек вдалеке) — и используется «точечно» (чтобы взять воду, постирать белье и пр.). Эта точечность может поставить малые реки в один ряд с объектами микротопонимической номинации: информант видит только тот участок реки, где она подходит к деревне или где находится семейный покос, а другие участки дезактуализированы. Все чаще мы встречаемся с ситуацией, когда малые реки делятся на участки, которые получают названия, ономазиологически сходные с микротопонимами; ср.: *Крысина Речка, Ерахина Речка, Ольгина Речка, Федосеева Речка* — названия участков р. *Язовичка* (Окт). Части рек «онтологизируются», выделяются как отдельные объекты (при отсутствии представления о реке в целом) — и это очень симптоматично в свете тенденции «дробления» пространства, о которой идет речь.

Возможно, я преждевременно и слишком кардинально обобщаю, но кажется, есть некоторая связь между следующими двумя процессами: с одной стороны, ослабляется «хозяйственная» подоплека традиционной топонимической системы (топонимия в меньшей степени, чем раньше, отражает результаты хозяйственного освоения пространства); с другой стороны, усиливается линия «исторического» восприятия географических объектов, выраженного с помощью топонимов. Наиболее заметна такая линия в связи с названиями населенных пунктов. Как говорилось выше, в топонимической системе на первый план выходят ойконимы (напомню, что на северо-востоке Костромской обл., в зоне Поветлужья, они составляют более половины наших полевых записей). Около 75–80 % ойконимов Поветлужья имеют отантропонимическое происхождение. В сознании информантов это модель «по первопоселенцу», реальному или вымышленному, ср. примеры: д. *Артемьята* — «Ссылали ссыльных. Привезли Большакова. Вот он три избы срубил с братьями, молотильный ток сделал. Звали Артёмом, вот и назвали Артемьята. Потом уже в Мокрушу переименовали» (Окт, Боговарово); д. *Лапшино* — «Какой-то, говорят, Лапша был когда-то, жил. Первый основатель. Прозвище было у него такое — Лапша» (Вох, Лапшино); д. *Карпово*, д. *Коточижное* — «На Карпове очень давно жили два брата. Их звали Карп и Колочиг Кузнецовы. Они рассорились, и Карп остался на месте, а Колочиг ушел в лес. И от этих имен произошли названия деревень Карпово и Коточижное³» (Пав,

³ Здесь отражена основа *коточиг* (*колочиг*) ‘орудие для плетения лаптей’. В современном павинском говоре в нарицательной лексике фиксируется вариант *колочиг*, в топониме же закреплён *коточиг*.

Петропавловское). Массивный топонимический пласт существует как памятник ушедшим людям, при этом в подавляющем большинстве случаев не имеет актуальной коммуникативной значимости, поскольку состоит из названий бывших деревень и хуторов.

Конечно, «исторические» мотивировки отражены не только в ойконимии, но и в других топонимических разрядах. Ср.: ур. *Богатыриха* — «Там раньше жили богатыри» (Пав, Карпово); р. *Ясаулиха* — «Раньше брали ясак на этой речке» (Вох, Вохма); р. *Невестка* — «Поехали жениться, невеста выпала из корзинки <саней>» (Окт, Клюкино); и т. п. Нередко фиксируются ситуации, когда «исторический» сюжет объединяет целую группу топонимов. К примеру, в топонимической системе Тихоновского сельсовета (Вох) целый ряд топонимов оказывается объединенным легендой о разбойниках, ограбивших церковь в с. Тихон: по словам информантов, д. *Орловица* и *Варжа* названы так по именам предводителей разбойников — *Орлик* и *Варжа*; участок Вохмы именуется *Золотое Дно*, поскольку туда разбойники сбросили золото; в д. *Разбойница* разбойники поплыли после ограбления; в лесу *Казаково* с разбойниками дрались казаки, причем бой был жарким (бывш. д. *Жарки*).

Мотивировки такого рода сопровождали топонимию издавна: географические названия всегда являлись для носителей топонимической системы незримым мемориалом историческим событиям. Я говорю лишь о том, что линия «мемориального» восприятия топонимов, кажется, усиливается. Количество записей с «историческими» мотивировками у нас резко возросло. Конечно, во многом это объясняется новациями в методике полевого сбора: раньше экспедиция редко фиксировала мотивировки топонимов (успеть бы записать собственно названия и привязки!). Это делалось по отношению к наиболее «живописным» фактам (вроде *Кровавое* или *Чудские Жернова*) — или в тех случаях, когда информант сообщал мотивировку сам. В настоящее время мы стараемся активно проводить «мотивационную» линию опроса, при этом вопрос «Почему так названо?» предваряем ремарками «Как Вы слышали от стариков?», «Как Вы думаете?» и пр.⁴

Несмотря на то, что рост количества записей «исторических» мотивировок отчасти обусловлен новациями в методике сбора, он объясняется и усилением внимания носителей топонимии к истории названий. Немудрено: большая часть географических объектов ушла в прошлое, стала историей.

⁴ Апелляция к собственному языковому чутью (а не только к воспринятой извне традиции) расковывает фантазию информанта и увеличивает наши шансы зафиксировать мотивировку, однако мы рискуем получить несравненно большее количество народноэтимологических и игровых трактовок. В то же время, думается, в этом нет криминала, ибо подобные трактовки в любом случае появляются при записи мотивационного значения названий в сознании носителей топонимической системы.

Подытоживая свои размышления о том, как наши полевые записи отражают функционирование названий в языковом сознании носителей крестьянской топонимии, отмечу: кажется, наблюдается некоторая дезактуализация формулы, которая прежде ассоциировалась с топонимическими системами, — «здесь живет и работает человек», но все сильнее звучит мотив «здесь жил человек».

Сказывается ли все это на арсенале принципов и моделей топонимической номинации? Появляется ли в топонимической системе что-то новое в номинативном плане?

Можно с уверенностью говорить о том, что те топонимические системы, которые мы записываем сейчас, в целом сохраняют высокую степень традиционности как на уровне базовых и частных номинативных моделей, так и в плане конкретных способов их лексического воплощения. Прозвищная антропонимия, к примеру, гораздо более проницаема для новаций, особенно лексических.

Один из показательных индикаторов традиционности / новизны — *п р е ц е д е н т н а я н о м и н а ц и я*, результаты которой воплощаются в ономастической системе с помощью вторичных имен, возникающих при переносе единиц макроуровня на микроуровень (применительно к топонимии речь идет о переносе топонимов «большого мира» в локальную топонимическую систему). Наиболее яркий эффект при восприятии таких имен создается не только значимостью прецедентов, но и их актуальностью. В прозвищной антропонимии обновление прецедентов происходит довольно быстро: наряду с *Петром Первым* или *Иваном Грозным*, мы часто записываем *Ленина*, *Сталина*, *Хрущева* и др. правителей до *Путина*, а кроме них, *Чубайса*, *Черномырдина*, *Зюганова*, имена героев актуальных сериалов и т. д. Топонимические прецеденты имеют не столь явную временную привязку, о времени возникновения модели можно судить по косвенным показателям, среди которых ареал модели, широта которого указывает и на ее продуктивность. Например, широко распространенные в микротопонимии *Карпаты*, *Дунай*, *Ерусалим*, *Содом*, которые есть и в наших современных записях, относятся к наиболее старому фонду моделей вторичной номинации (и, соответственно, имеют не только общерусский, но и общевосточнославянский / общеславянский ареал, а в случае с библейскими прецедентами еще более широкий). Пласт прецедентных топонимов, к которому принадлежат *Питер*, *Сибирь*, *Украина*, *Шанхай*, *Маньчжурия*, является общерусским; его следует датировать, скорее всего, концом XIX — первой половиной XX в. (скажем, для *Маньчжурии* вероятно привязка к русско-японской войне 1904–1905 гг.). Из популярных прецедентов советского доперестроечного времени отмечают, к примеру, *БАМ*, *Новые Черемушки*, *Финляндия* (так называют части деревни с финскими домиками). При этом продуктивные модели вторичной топонимической номинации, которые могли бы определенно указывать на перестроечное или постперестроечное время, практически не фиксируются. Перестройка дала разве что *Нагорный Карабах* (часть деревни, жители которой часто дерутся друг

с другом (Прим). К числу новейших, возможно, принадлежит и шутовское название с. Боговарово — *Маленький Израиль* (за хитрость жителей) (Вох). По данным ТЭ, в советское время среди русских вторичных топонимов *Израиль* не фигурировал. Разумеется, это не исключает вероятности существования такого названия и в зоне наших работ, и вне ее, но, думается, вероятность эта мала (до перестройки *Израиль* был в меньшей степени «на слуху», чем в постсоветскую эпоху).

Примеры из области прецедентной топонимической номинации рассматривались для того, чтобы показать, что в этой сфере снизилась динамика обновлений.

Редко проникают в топонимию и новации на уровне лексического воплощения старых моделей. К примеру, в обозначении леса *Запретная Зона* («Лес *Запретная Зона* называется. Рубить ничего нельзя» (Вох, Вохма)) новыми средствами выражено то, что традиционно было представлено в наименованиях типа *Заветное*, *Заповедное*; *Пенсионерское Болото* (Баб) — лексическое обновление модели, в рамках которой функционируют *Старушье Болото*, *Бабий Лес* и т. п. (так обозначаются места около деревни, где собирают ягоды или грибы пожилые люди и женщины, которые не могут далеко отлучиться от дома). Название части деревни *Фазенда* (Лен) означает то, что прежде выражалось топонимами *Дачи*, *Дачный Поселок* и т. д.

Раритетны и словообразовательные новации, ср., к примеру: бывш. д. *Котмыс* (< *Котельный Мыс*), бывш. д. *Ком-Савинский* (< *Комаровско-Савинский*) (Окт). Оба названия относятся к сфере официальной ойконимии и практически не фиксируются в народной речи, которая предпочитает не сокращенные, а полные формы — пусть менее экономные, но не отдающие канцеляритом. Подчеркну, что речь идет о собственно топонимическом словообразовании, а не об отражении в топонимии словообразовательных новаций, сложившихся в сфере нарицательной лексики. Последние встречаются несколько чаще, но и их нельзя признать типичными и распространенными: бывш. лес-промхоз *Пищетара* (Кад), поле *Гэсээмовское Поле* (< ГСМ, горюче-смазочные материалы) (Лен), ур. *Матафа* (< МТФ, молочно-товарная ферма) (Баб) и пр.

Среди новаций можно назвать еще новые способы осмысления мотивировок старых топонимов, которые обязаны своим появлением прежде всего влиянию «книжности» и науки. Библиотекари, учителя (и школьники под их руководством), работники домов культуры стали активнее, чем раньше, собирать местную топонимию и предлагать свои пути ее интерпретации, не всегда связанные с традицией. Эти версии звучат на вечерах в домах культуры, печатаются в местных газетах — и «бумерангом» возвращаются к носителям традиции. Ср., к примеру, объяснение названия с. *Медведица*: «Медведица делится на Большую и Малую Медведицу. Если грубо поделить район, Медведица находится в северной части нашего района. Созвездие Большой и Малой Медве-

дицы расположено в северной части неба. Так и в нашем селе, отсюда название» (Пав, Медведица). На этой версии «книжная» печать: взгляд «с неба» не был свойствен традиционной русской топонимии (ср. традиционную мотивировку названия, записанную от других жителей этого села: «Когда здесь заселялись первые жители, очень много медведей было. И под угором здесь была берлога»).

Несмотря на появление подобных новаций, в целом, повторим, они немногочисленны — и воссоздаваемая по нынешним записям система географических названий имеет ярко выраженную традиционность и консервативность.

Есть ли новации в методике полевого сбора топонимов? Методика работы нашей экспедиции никогда не стояла на месте и развивалась по разным направлениям. Дальше речь будет идти о некоторых новациях, которые в наибольшей степени востребованы положением дел при сборе топонимии в последние десять лет, хотя возникли они, разумеется, раньше.

Организовывая опрос, мы стали больше внимания уделять тонкостям, на которые прежде просто не оставалось времени. В нашем классическом варианте опроса информант должен выстраивать ряды названий, отражающие либо порядок следования друг за другом объектов одного или разных классов по определенному маршруту (по дороге или просеке, вверх или вниз по реке, в лесном массиве и др.), либо совокупность объектов одного класса, находящихся в разных зонах описываемой территории. Этот вариант опроса, разумеется, остается основным. Эффективность этого опроса со стороны собирателя определяют следующие основные факторы:

— полнота перечисления, тонкость дифференциации видов географических объектов, которые могут быть обозначены топонимами;

— умение «попасть в термин», т. е. назвать географический термин — литературный или диалектный, который даст ключ к тому или иному объектному ряду (к примеру, в некоторых районах Русского Севера термин *покос* соотносится только с сенокосными участками на лугах, в то время как за названиями покосов на лесных расчистках стоит термин *новина*);

— точность определения тех пространственных линий, маршрутов, по которым на данной территории осуществляется освоение (бытийное, а вслед за ним номинативное) пространства;

— умение задать ситуацию использования географического объекта.

Эти принципы опроса остаются базовыми по сей день. Они активизируют как логическую, так и ситуационную память собеседника, но главным образом логическую, причем самый сильный и «затратный» вид памяти, требующий создания обширных перечислительных рядов. Со временем мы стали обращать больше внимания на обозначения объектов, не создающих ряд, — «единственных в своем роде» либо не ассоциирующихся с тем типом хозяйственных работ, который создает и скрепляет какую-либо длинную объектную цепь (допустим,

полей и покосов). Сбор этих названий требует в первую очередь актуализации ситуационной памяти, припоминания определенного сценария деятельности или события, связанного с географическим объектом. Наименования такого рода могут, к примеру, обозначать:

— места осуществления некоторых трудовых операций (здесь стирают белье, вымачивают лен, расстилают холсты на наст для отбеливания и пр.);

— объекты, с которыми связано какое-то происшествие (утонул человек или скотина; медведь задрал лошадь; опрокинулся трактор; молния ударила в дерево; и т. п.);

— места, включенные в обрядовую деятельность (здесь переодевались по пути в церковь или крестились, когда она появлялась в поле зрения; здесь гадали; сюда выбрасывали горшки и солому после обмывания покойников; отсюда провожали в армию);

— объекты, связанные с проведением досуга (здесь трапезничали при полевых работах или устраивались на привал во время длинных переходов; здесь устанавливались снежные горки, качели, карусели; устраивались гулянья; купались и ныряли; сюда уходили влюбленные парочки);

— локусы, которым приписываются сакральные или нечистые свойства (здесь целебная вода; была обнаружена приплывшая по воде икона; лежит огромный камень, куда взбирались «для здоровья»; стоит памятная сосна, на которую вешали одежду больных; здесь «водит», «ставит на след»; и пр.).

Конечно, названий подобных объектов немного, но они, как правило, интересны и новы.

Активное использование «с и т у а ц и о н н о г о» опроса свидетельствует о том, что технологии сбора топонимии и нарицательной лексики теперь существенно сблизились. Помню, когда я начинала ездить в экспедиции, у нас часто говорили: «Топонимию дают, а лексику берут». Эта сентенция о том, что опрос топонимии предполагает более пассивное поведение собирателя, чем опрос лексики: собиратель лишь задает несколько базовых линий опроса и алгоритм подачи информации — и «подставляет» блокнот, куда «сыплются» топонимические ряды. Сейчас, когда актуальные ряды географических названий в памяти информанта существенно сокращаются, топонимикон стремительно переходит в пассивный языковой запас, собирателю приходится быть куда более активным в формировании направленного опроса. Он должен в большей степени, чем раньше, «дробить» беседу, давать больше «подводок», быть крайне изобретательным в дифференциации разных типов географических объектов и связанных с ними ситуаций. Все это и предполагает сближение «топонимического» и «лексического» типов опроса.

Говоря о направлениях полевого сбора, отмечу, что мы стали обращать больше внимания на близкие к топонимии, но не собственно топонимические ряды о н и м о в, находящиеся в тесном взаимодействии с сис-

темой географических названий. В первую очередь это обозначения объектов хозяйственной и идеологической деятельности, имеющих пространственную закреплённость, причем таких диаметрально противоположных, как колхозы и церкви. Названия церквей, значимые сами по себе, вступают во взаимодействие не только с топонимией, но и с хронимией, входящей в зону наших интересов, — и это усиливает внимание к ним (к примеру, в селе *Тихон* была *Тихоновская Церковь* и отмечался съезжий праздник *Тихонов День* (Вох); в селе *Веденьё* — *Веденьёвская Церковь* и праздник *Веденьёвская* (Окт)). Названия колхозов тоже взаимодействуют с топонимами. Чаще всего они выступают в качестве производящей основы при наименовании кустов деревень, объединённых в колхоз: такие названия легко опознаются в системе по своему искусственному облику (куст деревень *Борьба* ← к/х «*Борьба*» (Окт)). Тесное взаимодействие с традиционной естественной топонимией обуславливает обратный процесс — названия деревень, даже самые для этого не подходящие, становятся мотивирующими для обозначений колхозов (к/х «*Божата*» ← д. *Божата* (Вох)), обрстая иногда «советской» символикой (к/х «*Красные Ложки*» в деревне *Крутые Ложки*, к/х «*Трудовой Рюндюг*» в кусте д. *Рюндюг* (Окт)). Названия колхозов обнаруживают и другие нетипичные для себя черты, свойственные продуктам естественной номинации. К примеру, в этой сфере появляются событийные наименования (к/х «*Дирижабль*»: «*Дирижабль* через них пролетел, вот и назвали» (Окт, Клюкино)), а также неофициальные (к/х *Красная Котомка*: «Так их назвали “Красная Берёзовка”, а они бедные очень были, вот и стали звать “Красная Котомка”, с котомкой ходили» (Пав, Большая Березовка)). Значимость фиксации названий колхозов определяется и тем, что они в известной мере определяют способ хранения топонимической информации в сознании многих наших собеседников-колхозников: информанты перечисляют деревни, поля, покосы зачастую «по колхозам», последовательно переходя от владений одного колхоза к другому.

Набор сведений о топонимах, который мы добываем в ходе опроса, неизменен на протяжении многих лет, подтвердивших продуктивность выбранных параметров записи (топографическая информация, сведения о системных связях, транскрипция, социолингвистические пометы, мотивационный контекст и др.). В то же время специфическая ситуация на той или иной территории требует детализации тех или иных параметров записи. К примеру, особые условия функционирования топосистем могут диктовать совершенствование инструментария для описания социолингвистических характеристик топонимов. Это относится в первую очередь к ойконимам, которые различаются по признакам «устаревшее — новое», «неофициальное — официальное», «частое — редкое». В последние годы установление отношений ойконимической вариантности составляет одну из существенных проблем сбора. С варьированием названий населённых пунктов мы встречались всегда, но с такими

разветвленными рядами названий одной и той же деревни (хутора), как в Поветлужье (особенно на «крайней» границе Костромской и Кировской обл., в Октябрьском районе Костромской обл.), я столкнулась впервые. Выше говорилось, что это может быть вызвано частыми изменениями административной принадлежности. Кроме того, важную роль сыграла попытка властей номинативными средствами «поднять статус» поселений, устрняя (т. е. переводя в ранг неофициальных) названия, которые имеют «простонародные» коннотации и образованы, как правило, от неофициальных форм личных имен, семейных и коллективных прозвищ. На смену им приходят нейтральные с точки зрения администраторов названия, которые нередко обладают ярко выраженной «номенклатурностью», если не канцелярщиной (что особо чувствуется в составных ойконимах, в том числе включающих числовые показатели): *Парши* → *Верхорубовская*, *Олешонки* → *Первая Крутая*, *Микишонки* → *Вторая Крутая*, *Ропотёнки* → *Вторая Медяная*, и т. п. («пафос» замен особенно ощутим в тех случаях, когда при переименовании сохраняется основа старого топонима: *Клобуки* → *Вторая Клобуковская*, *Сычи* → *Третья Сычевская*). Иногда в ходе таких переименований менялось «шило на мыло» — новые официальные ойконимы имели свои нежелательные ассоциации: *Николёнки* (они же *Волчонки*) → *Гиблое*, *Кокоулинцы* → *Сопляково*. При письменной фиксации названий они начинали жить своей жизнью, отражая возможные ошибки и произвольные прочтения при многократном переписывании и перепечатывании: допустим, в справочнике административно-территориального деления (АТД) Костромской обл. *Большие Доры* превращены в *Большие Дворы*, а *Высокие Гривы* — в *Верхние Гривы*. Несовпадение вариантов, отраженных в справочниках АТД (а каждая последующая редакция справочника могла порождать новые варианты), с официальным списком деревень, на который ориентируются местные органы власти (известным в сельсовете, на почте и в прочих административных учреждениях), создает теоретически невозможную, но практически реальную ситуацию расслоения даже официального ойконимикона. наших обычных вопросов, направленных на установление соответствия между официальным и неофициальным именем («Как Вы называете Вашу деревню между собой? А как пишут ее название на почтовых конвертах, в паспортах?»), недостаточно для того, чтобы установить весь спектр вариантов и отношения между ними. К примеру, на границе Костромской и Кировской обл. была деревня, одна часть которой относилась к Костромской обл., другая — к Кировской (в двух частях деревни на протяжении ряда лет даже время отсчитывали по различным часовым поясам — с разницей в один или два часа). Выше уже приводилось ее название по справочнику АТД: *Ком-Савинский*. Председатель и секретарь сельсовета утверждают, что в разные годы в их документах деревня значилась тройко: *Комаровский*, *Савинский* и гибриды *Комаровско-Савинский*. Мне встретилась семейная пара из этой деревни: муж и жена, которые родились в соседних домах по одну сторону улицы с разницей в пять лет,

в паспортах имели разные указания на место рождения (у мужа было написано *Комаровский*, у жены — *Комаровско-Савинский*). Эта семейная пара, как и другие жители деревни, не употребляли в речи официальные названия своей малой родины (и освежали их в памяти лишь по паспорту), а использовали только неофициальные имена *Сериково* или *Односторонок* (первый вариант более старый и редкий, второй — более новый и частотный; при этом первый вариант в большей степени «внутренний», употреблявшийся внутри деревни, а второй — внешний, звучавший в речи жителей соседних деревень). Этот случай почти анекдотичен, но не единичен. Подобные ойконимические ряды лучше всего знают старые председатели, секретари сельских советов и почтальоны, которые имели дело и с документами, и с народной традицией, но даже они далеко не всегда могут развести все варианты названий по объектам. При работе на таких территориях следует вводить дополнительные уточнения к социолингвистическим пометам при записи топонимов, изыскивая компактные способы фиксации той информации, которая была прокомментирована выше.

Если говорить не о содержании, а о «регламенте» сбора, то стоит отметить, что мы стали работать медленнее: в районах, куда мы приезжаем, сейчас значительно меньше «точек обхода» (деревень и сел); задачи тщательного сбора лексики требуют более длительного «сидения» на одном месте — и плоды такого «сидения» сказываются на топонимическом опросе. Сейчас мы гораздо чаще, чем раньше, возвращаемся к одному и тому же информанту. Соответственно он может настраиваться на беседу, вспоминая то, что было пропущено в первый раз (при выстраивании длинных списков названий такие пропуски не редкость). В свою очередь, собиратель может распределить свои топонимические вопросы на несколько приходов — и это весьма эффективно, поскольку информанту, в деталях владеющему топонимической системой, очень трудно «вытащить» и «развернуть» ее полностью за один раз, это предполагает напряженную мобилизацию ресурсов памяти.

Требования к технике ведения опроса, его объему и содержанию существенно повышаются, при этом опыт ведения беседы у начинающих собирателей накапливается медленнее, чем в прежние времена. Если опыт летчика измеряется часами полетов, то опыт полевого топонимиста — часами опросов. Тем, кто начал собирать в последние 10 лет, удастся меньше «налетать» часов опроса топонимии, чем за то же количество экспедиций у их сверстников в 1970–80-е гг., поскольку информантов, а значит, записываемой топонимической информации реально стало меньше (при этом на нарицательную лексику сейчас тратится больше «человеко-часов», чем раньше). Если раньше можно было уйти от одного информанта, который, вроде бы, не очень много знает, ко второму, затем к третьему, четвертому и т. п., то сейчас такая расточительность в выборе собеседников практически невозможна. У прежнего топонимиста быстрее развивался вкус к собирательской работе, поскольку экспедиционные дороги с первых дней

преподносили встречи с настоящими информантами-«энциклопедистами» (которыми особо богата была Архангельская обл.), знавшими многие сотни названий, воспринимавшими топонимическую систему как живой организм и умевшими ходить по земле, опираясь на топонимы вместо посоха. Сейчас такие информанты — большая редкость. Показательные «социологические» данные: в последних трех экспедициях «дедушки» (знающие топонимию, как правило, полнее и точнее «бабушек») составляют примерно 1/5 часть наших собеседников. Листая свои экспедиционные блокноты конца 1980-х, подсчитала, что в те годы мужчин-информантов было больше половины (имею в виду именно «топонимических» информантов, ведь количество опрошенных при сборе топонимии и лексики может не совпадать: скажем, раньше мы могли позволить себе — при наличии в деревне «дедушек» — в беседах с некоторыми «бабушками» собирать лексику, а топонимию только «дублировать»). Несмотря на все это, в изменившихся условиях сбора есть своя прелесть: они заставляют по-особому ценить каждый собранный факт и упорнее работать над совершенствованием методики сбора. Время требует от собирателя все большего профессионализма и мастерства — и заставляет уделять все больше внимания предполевой подготовке участников экспедиции.

Не знаю, вытекает ли из предыдущего изложения «оптимистический финал», но для меня он не является лишь данью жанру юбилейной статьи, а внутренне мотивирован. В традиционной топонимии заложена такая созидательная сила познания земли и человека, отточенная столетиями, что ее ресурсов хватит на многие поколения собирателей и интерпретаторов. Надо только успеть.

Рукопись поступила в редакцию 27.10.2011 г.